

души вѣришь, что онъ — рыцарь, что онъ сражается съ великанами, а не мельницами, и что его безобразная и толстая Дульцинея — красавица; а я знаю, что я не рыцарь, а сумасшедший, — и все-таки рыцарствую; что я сражаюсь съ мельницами — и все-таки сражаюсь; что Дульцинея моя (жизнь) безобразна и гнусна, а все-таки люблю ее, на зло здравому смыслу и очевидности. Но вы не поймете этого... Вы живете въ мірѣ мечтательномъ — и вы счастливы. Но я не завидую вашему счастью, но жалѣю васъ въ немъ. Міръ мечтаній — міръ призраковъ и миражей; — и кто упорно остается въ немъ на всю жизнь, тотъ или дѣлается ограниченнымъ человекомъ, или погибаетъ страшно. Для меня вѣтъ ужаснѣе мысли, какъ остаться у жизни въ дуракахъ... пусть бѣдетъ она меня, но я буду знать, кто и что она, и на удары буду отвѣчать проклятіями: это лучше, чѣмъ позволить ей спеленать себя и убаюкивать какъ ребенка. Гете сравнилъ мужа съ кораблемъ, презирающимъ ярость волнъ и бури — прекрасное сравненіе! Такъ вонъ же изъ мирной и тихой пристани, гдѣ только плѣсень зеленая, тина мягкая, да квакающія лягушки, дальше отъ нихъ туда, гдѣ только волны да небо, предательскія волны, предательское небо! Конечно, разсудокъ говоритъ, что гдѣ бы ни утонуть, — все равно, но лучше хотѣлъ бы утонуть въ морѣ, чѣмъ въ лужѣ. Море — это дѣйствительность; лужа — это мечты о дѣйствительности. У всякаго человѣка долженъ быть свой уголокъ, куда бы онъ могъ укрыться отъ ненастья жизни; вашъ уголокъ особенно прекрасенъ. Но уголокъ и долженъ быть уголкомъ, а не міромъ. Вы, о мой птенецъ неоперенный, ушли отъ жизни въ свой маленький уголокъ: боюсь за васъ. Въ этомъ уголкѣ хорошо быть гостемъ и отдыхать отъ борьбы съ жизнью, но не жить въ немъ“...

1843.

Къ А. А. Бакуниной и Н. А. Бакунину ¹⁾.

Петербургъ, 8 марта 1843 г. 2).

„Невозможность увидѣться съ вами ³⁾ стоила мнѣ сильною нравственной горячки. Васъ не должно это ни удивлять, ни казаться вамъ загадкою... Страстность составляетъ преобладающій элементъ моей прекрасной души. Эта страстность — источникъ мукъ и радостей моихъ; а такъ какъ, при томъ, судьба отказала мнѣ слишкомъ во многомъ, то я и не умѣю отдаваться вполнѣ тому немногому, въ чемъ не отказала она мнѣ. Для меня и дружба къ мужчине есть страсть, и я бывалъ ревнивъ въ этой страсти... Естественно, что въ отношеніи къ женщине эта страстность ярче и эксцентричнѣе, но перетолковывать ее чѣмъ-нибудь другимъ, болѣе серьезнымъ, или оскорбить ею, — значитъ не понять меня... Я самъ недавно только созналъ въ себѣ эту сторону и въ ней увидѣлъ причину многихъ моихъ глупостей, дорого стоившихъ мнѣ. Нѣтъ несчастнѣе лю-

дей, подобныхъ мнѣ, пока они не найдутъ въ религиозныхъ убѣжденіяхъ прочной точки опоры для своей жизни... Такіе люди — вѣчные мучители самихъ себя и всегда въ тягость особенно тѣмъ, кого они больше другихъ любятъ и кто бы больше другихъ былъ расположенъ принимать въ нихъ участіе. Во мнѣ всегда была глубокая жажда, мучительный голодъ умственной дѣятельности, и есть способность къ ней, но не было для нея ни пищи, ни почвы, ни сферы. Страстные души, въ такомъ положеніи, дѣлаются добычею собственной фантазіи и слятся создать для себя дѣйствительность внѣ дѣйствительности. Чувство дѣлается альфой и омегой жизни“...

„Вы видѣли меня совсѣмъ не тѣмъ, что я теперь, и тѣмъ сильнѣе во мнѣ желаніе вновь познакомиться васъ съ собою и вновь познакомиться съ вами...“

„Вы правы, въ томъ и жизнь, что она безпрестанно ноза, безпрестанно измѣняется: это и мой основной принципъ жизни, и я радъ, что онъ также и вашъ. Только тѣ и живутъ, которые такъ думаютъ. Старое — Богъ съ нимъ: оно хорошо и прекрасно только въ той мѣрѣ, въ какой было прямою или косвенною причиною новаго, а само по себѣ — прочь его!“

„Въ нашей общественности особенно часты примѣры разочарованнаго, охладѣвшаго чувства, которое, перегорѣвъ въ самомъ себѣ, вдругъ потухаетъ безъ причины: этому причастны даже высокія и глубокая природы — слылаюся на Пушкина. Гдѣ, въ чемъ причина этого явленія? — въ общественности, въ которой все человеческое является безъ всякой связи съ дѣйствительностію, которая дика, грязна, безсмысленна, но на сторонѣ которой еще долго будетъ право силы. Обращаюсь къ себѣ, какъ представителю страстныхъ душъ. Дайте такому человѣку сферу свойственной его способностямъ дѣятельности, — и онъ переродится... но эта сфера... да вы понимаете, что ея негдѣ взять. Этой сферы и теперь для меня нѣтъ и никогда, никогда не будетъ ея для меня; но уже то было великимъ шагомъ для меня, что я созналъ и понялъ это... Сердце человѣка, особенно пожираемаго огненною жаждою разумной дѣятельности безъ удовлетворенія, даже безъ надежды на удовлетвореніе этой мучительной жажды, — сердце такого человѣка всегда болѣе или меньше подвержено произволу случайности, — ибо пустота, вольная или невольная, можетъ родить другую пустоту, — и я меньше, чѣмъ кто другой, могу ручаться въ будущемъ за свою изрѣдку довольно сильную, но чаще распыляющуюся натуру; но я за одно уже смѣло могу ручаться — это за то, что если бы Богъ снова залилъ на меня чашу гнѣва своего и, какъ египетскою язвою, вновь поразилъ меня этою тоскою безъ выхода, этимъ стремленіемъ безъ цѣли, этимъ горемъ безъ причины, этимъ страданіемъ, презрительнымъ и унижительнымъ даже въ собственныхъ глазахъ, — я уже не могъ бы выставлять наружу гной душевныхъ ранъ и напелъ бы силу навсегда бѣжать отъ тѣхъ, кого могъ бы оскорбить или встревожить мой позоръ. Я и прежде не былъ чуждъ гордости, но она была парализирована многими причинами, въ особенностъ же романтизмомъ и религиознымъ уваженіемъ къ такъ-называемой „внутренней жизни“ — этимъ исчадіемъ нѣмцакаго эгоизма и филистерства“...

„Прежде чѣмъ западетъ въ душу чувство, я выговаривалъ его всего, такъ что ничего и не оставалось. Это значитъ, что не было ни одного могучаго чувства, которое охватило бы

1) А. А. Бакунина — сестра Н. А. и М. А. Бакунинныхъ, которой увлекался Блинскій.

2) См. от П. Милюкова «Любовь у идеалистовъ 30-хъ годовъ». Р. Вѣд. 95 г. № 323, и Пыпинъ, II, 183 — 185. Въ этомъ же писемѣ Блинскій писалъ и Н. А. Бакунину.

3) Т. е. невозможность пріѣхать въ деревню и погостить у друзей, какъ его приглашали.